
ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ЛИ ИМПЕРСКИЙ ДУХ И РЕЛИГИИ СПАСУТ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО? (беседа с А. С. Запесоцким и А. П. Марковым)

Ключевые слова: человечество, нация, империя, Средневековье, христианство, язычество, насилие, техно-гуманитарный баланс, будущее.

– Уточните, пожалуйста, что вы все-таки считаете образцом и гарантом стабильного существования планетарной цивилизации в будущем: национальные государства, наднациональные империи или конфессиональные сообщества?

– Нет достаточных оснований или критериев считать эти формы социально-политической организации человеческих сообществ образцом или гарантом стабильного существования планетарной цивилизации в будущем. Но наименьшее зло несут, на наш взгляд, наднациональные империи (консолидирующим ядром которых нередко выступает конфессиональная общность). Аргументы в пользу данного тезиса мы постарались изложить в статье. Главное преимущество империй – их универсалистская, духовная идентичность, надэтнический и надконфессиональный характер формирования общности «мы», который может обуздать энергетику агрессии родовой, племенной идентичности и в какой-то степени предупредить сегодняшнее движение национальных государств в сторону нацизма. Природное, «почвенное» окончательно не преодолеть – оно ждет своего часа, взрываясь в ситуации кризиса национально-культурной идентичности. Трагический опыт XX века показал, что у национальных государств существует опасность возвращения, «соскальзывания» на более примитивные уровни родовой идентичности с их деструктивной энергетикой, тяготением к языческим практикам и расистским формам противостояния «мы – они».

– Историки указывают, что в языке древнейших империй не было даже слов, обозначающих современные понятия типа «за-граница», «другая страна» – имелось только выражение «вражеская страна». Ядро имперских идеологий всегда составляло противоположение «своих» «чужим». Известны ли вам исключения из

Историческая психология и социология истории 1/2016 207–215

этого правила и что дает основание полагать, что в новых условиях ситуация существенно изменится?

– Исключений из этого правила история не знает. Оппозиция «мы – они» – модификация универсального социально-психологического механизма ассоциации и диссоциации, лежащего в основе культурной динамики и выступающего ключевым фактором формирования и консолидации общности «мы». Механизм этот характерен для всех этапов и форм человеческого общежития. При этом один и тот же элемент культуры (язык, традиция, ценности) выступает и как основание для солидарности, сплочения, и как фактор обособления культурного сообщества от других, противопоставления им, т. е. соединяя, он разделяет. Поэтому негативное отношение к «другим» так же естественно и закономерно, как позитивное к «своим» – противопоставление и оппозиция являются источником энергии для консолидации общности, ее самосознания (это известная мысль Б. Ф. Поршнева). Особую напряженность оппозиция «мы – они» обнаруживает в плоскости духовно-нравственного самоопределения – как отдельного человека, так и культурного сообщества в целом.

Оппозиция «свои – чужие» – социально-психологическая модификация механизмов ассоциации и диссоциации в их культурно-антропологической плоскости. Характер отношений к «своим» и «чужим» определяется фактом принадлежности субъектов к различным культурам, включая языковые различия, религиозные и национальные святыни, поведенческую и обрядовую символику и т. д. Все эти различия, как отмечал академик А. А. Гусейнов, имеют личностно-интимную и потому неотчуждаемую природу: они входят в ментальное ядро человека, определяя его идентичность, чувство достоинства и смыслы бытия, поэтому они не могут быть предметом диалога.

К сожалению, в сегодняшнем глобальном мире механизмы диссоциации начинают доминировать, что чревато системными конфликтами, в том числе и военными. Но причины растущей агрессивности не в самой оппозиции, а в ее характере. Здесь важно основание идентичности – «другой» («чужой») может быть по духу, а может быть и по цвету кожи или разрезу глаз. В последнем случае идентичность «пахнет» практическим расизмом.

Гуманитарии предлагают различные способы минимизации агрессивного противостояния «свои – чужие», в том числе и путем устранения самой основы деления на «своих» и «чужих». Для это-

го, в частности, предлагается утвердить в качестве объединяющего принципа природное единство всех людей. Однако данный критерий идентичности не может быть альтернативой культурным основаниям консолидации: именно человеческая природа разделяет людей, заставляя убивать друг друга за средства существования, внимание женщин, «материал» для человеческих пороков. Приоритет природного единства людей над их культурными различиями уводит нас в язычество, а это тупиковый вариант развития человеческой цивилизации.

– Что приоритет единства людей над различиями уводит в язычество – это более чем оригинальная мысль. А в чем вы видите преимущество религиозных войн Средневековья по сравнению с войнами в дохристианском мире?

– Говорить о «преимуществе» одних войн над другими не очень правильно – неясен критерий такого «преимущества». Очевидное отличие – обезличенность в отношении к «врагу» в войнах Древнего мира. Общность «мы» древних цивилизаций была основана на исключении «чужого» из сообщества людей, на откровенном презрении к неполноправному, поэтому на поле битвы «другого» убивали, как животное. Характерный исторический пример: полководец периода греко-персидских войн Фемистокл перед Саламинской битвой приказывает принести в жертву Дионису Кроважачному трех знатных персидских юношей, и персов убивают «ни за что», просто как жертвенных животных. Заклание юношей было отвратительно не самим фактом жестокости – Европа Средних веков и Нового времени стала источником крестовых походов и двух страшных мировых войн, в огне которых погибли десятки миллионов человек всех континентов. Но идеология этих войн (начиная с осевого времени), несмотря на беспощадность и кровопролитность, основывалась на восприятии «врага» как человека, который гибнет за свои убеждения и взгляды.

– Но осевое время имело и вполне светские версии. Именно Сократ, Конфуций и близкие им мыслители показали, что нравственность может опираться не на богобоязнь, а на сознательный выбор («Знание есть добродетель»). Вы же приводите примеры из доосевой эпохи. И в статье указано, что в языческих обществах «разврат и злодейство совершались во имя божества, для общения с ним». Хотелось бы все-таки уточнить: крестовые походы и прочие религиозные войны, охота на ведьм, массовая резня

инноваторов в средневековой Европе и на Ближнем Востоке – разве все это творилось не во имя Божества (теперь уже с большой буквы)? Можете ли вы иллюстрировать превосходство ценностей, заданных авраамическими религиями, в сравнении с теми, что сформировались в Греции или Китае осевого времени?

– Для верующего человека нет проблемы деления доктрин древности на «религиозные» и «светские». Вероятно, именно в силу несущественности этого различия К. Ясперсу удалось обнаружить нечто общее в духовной истории человечества с VIII по II век до новой эры. Господь вещает истину любыми устами, и правда бывает ведома не только святым и пророкам вроде Исаяи или Иеремии, но и душам великих язычников.

Теперь по поводу «европейских зверств», которые якобы делались «во имя Божества». Средневековые зверства не были продиктованы христианской моралью, а стали результатом отречения Европы от подлинного христианства. Ключевыми же факторами деформации христианских основ европейской культуры стали два глобальных проекта: Возрождение и Реформация, которые поставили человека в центр мироздания, разрушив его связь с Богом, обеспечили светский характер культуры, доминирование ее антропоцентризма.

– Ладно, Возрождение развенчали. Но перенесем беседу в практическую плоскость. Считаете ли вы, что средневековая ментальность совладеет с современными технологиями, которые сделали возможным сосуществование на Земле 7 млрд человек? Сможет ли доиндустриальное производство их прокормить или придется сокращать население планеты в десятки, а потом в сотни раз и т. д.? И что станет с запасами ядерного, химического, биологического оружия, с атомными, химическими производствами, если они останутся без профессионального пригляда? Наконец, какова будет жизнь на Земле, если все это «рванет»? Убережет ли нас Господь от такого развития событий?

– Совладать с современными технологиями не сможет не только средневековая ментальность (у нас в статье нет даже намека на такой вариант исторического развития), но и менталитет современного европейского человека, который в значительной степени деформирован растущей энергетикой гедонизма, агрессивности, алчности и страха – качествами, изначально встроенными в капиталистическую модель экономики. И этот не вполне оптимистичный

прогноз вписывается в модель техно-гуманитарного баланса, которая описывает механизм обострения и преодоления антропогенных кризисов, обусловленных дисбалансом силы и мудрости, диспропорцией инструментальной и гуманитарной культур. В ряде статей, опубликованных в вашем журнале, показано, что многие великие цивилизации пали жертвой собственного могущества, а шанс выжить в ситуации кризиса получали те социально-политические системы, в которых культура смогла своевременно обеспечить средства самоограничения и сдерживания агрессии. А в статье «Агентура влияния» в контексте глобальной геополитической перспективы» (ИПСИ № 1, 2015 г.) отмечено: «Перспектива выхода планетарной цивилизации на аттрактор, связанный с прогрессивным развитием, видится все более проблематичной. Геополитика составляет не единственную, но одну из решающих предпосылок для воплощения в жизнь того или иного сценария, и они в значительной мере определяются тем, будет ли один из полюсов заполнен трезвой ответственной силой, которая вытеснит из ниши средневековых фанатиков и вернет качество вмняемости основным геополитическим конкурентам. Если этого не случится, то, вероятнее всего, цивилизацию Земли ждет необратимый коллапс».

Такой прогноз разделяют многие гуманитарии. В нашей статье приведены цитаты из работ академика В. С. Степина, который предполагает, что к середине XXI века может наступить фаза «динамического хаоса», а также А. А. Зиновьева о том, что современный этап цивилизации становится переломным, обрекающим человечество на поиск принципиально иной модели и смыслов существования. О неизбежности смены доминирующей европейской парадигмы развития в свое время писали О. Шпенглер, А. Тойнби, М. Хайдеггер, К. Ясперс и многие другие морально ответственные европейцы, не только умом, но и сердцем понимающие взлеты и чувствующие пропасти европейской цивилизации. Сегодня о неизбежности такого исхода буквально вопиют ключевые проблемы цивилизации, у которых пока нет перспектив разрешения. Все острее звучат мысли по поводу грядущей демографической катастрофы. По этому критерию перспективы выживания современной цивилизации весьма туманны, а общая демографическая тенденция – тупиковая. Статистика такая: в 1500 году на Земле было 500 млн. человек, в 1800 году их количество увеличилось до 1 млрд. За 100 лет, с 1900 по 2000 год, человечество выросло с 1,6 млрд. до 6 млрд. Сейчас – уже больше 7 млрд. Прогноз ООН таков: к 2025 г.

нас будет 8,1 млрд., а к 2050 – 9,6 млрд. Чтобы ресурсов планеты хватило на всех, численность населения планеты не должна превышать 1 миллиарда человек. Все активнее раздаются голоса «новых расистов» о том, что «лишние» представители рода человеческого должны исчезнуть с лица Земли. И для достижения цели все средства хороши: наркотики, ВИЧ, однополые браки, принудительная стерилизация, суицид, половое просвещение, войны и т. д. Антропологическая катастрофа европейской культуры, в результате которой «разобран» классический образ человека, расширяющееся пространство девиаций и трансгрессий, военные конфликты, дряхлеющий финансово-экономический кризис – все это говорит о том, что губительные последствия капиталистической модели экономики несовместимы с перспективой выживания человечества.

Идеи «спасения мира» уже были. Например, М. Мид предлагала создать всемирную «культуру участия», основу которой составят технологическая модернизация третьего мира и «революция метафор» – создание единого мирового языка, в котором не будет категорий зла. Или проекты создания «Мирового парламента» и «Конституции народов мира». В этот ряд можно поставить и глобализацию как процесс экстенсивной всемирной интеграции, прежде всего в области геополитики и мировой экономики.

Теперь по поводу того, что, кто и как сбережет мир от самоуничтожения (от запасов оружия, которым можно уничтожить все человечество несколько раз): пока человечество удерживает от тотального «суицида» *чувство страха*. Но этот регулятор не очень надежный – страх уже не способен оказывать отрезвляющее воздействие на политиков.

Убережет ли нас Господь? Хочется верить, что да, ибо надежды на другие источники и «средства спасения» минимальны. Господь – в смысле базовых, основополагающих оснований христианской культуры, которые еще сохранились в душе русской цивилизации. Направленность русской культуры на абсолютное чувство всеобщности, на «мессианскую душу» не есть лишь факт национального самосознания: эта черта фиксировалась и представителями европейской культуры. В частности, В. Шубарт подчеркивал «всечеловечность» русских и считал нас носителем «нового солидаризма», «нового идеала личности и свободы», который может «освободить человечество от индивидуализма сверхчеловека и коллективизма массового человека», противопоставив «автономной личности, идеалу ренессанса» «душу, связанную с Богом и со

Вселенной, а насильственному объединению людей – свободное сообщество таких душ».

Конечно, если оставаться в границах рационального метода восприятия мира, оснований для оптимизма немного. Но остается надежда на чудо. И вера в то, что объединенными усилиями человечеству удастся найти достойный ответ глобальным вызовам времени (а как известно, по вере нашей да будет нам – Матф. 9:29).

– Упомянутая вами модель техно-гуманитарного баланса предполагает последовательное приведение культурных регуляторов в согласие с возрастающим могуществом технологий и отбраковку разбалансированных социумов. Мы не знаем, насколько далеко способен совершенствоваться гуманитарный интеллект и, соответственно, сможет ли цивилизация Земли пережить XXI век как развивающаяся система. Но модель баланса по определению исключает сохранение устойчивости постиндустриального общества ценой возврата к доиндустриальной ментальности. Поэтому едва ли эта модель «монтируется» с мировоззрением, изложенным в вашей статье.

Но вот еще вопрос. Как позитивные примеры современных империй вы приводите США, потенциально – Евросоюз и гипотетическое государство, нацеленное на создание мирового халифата (неужели ИГИЛ*?). Остается неясным, как именно агрессивная международная политика США и исламистов способна увести мировую цивилизацию от пропасти?

– Во-первых, как было сказано выше, оппозиция «мы – они» – непреодолимый фактор человеческой истории. Главное – постараться придать ей максимально щадящий характер. Прав был мудрый И. Бродский, который написал: «Жизнь – так, как она есть, – не борьба между Плохим и Хорошим, но между Плохим и Ужасным. И человеческий выбор сегодня лежит не между Добром и Злом, а скорее между Злом и Ужасом... Я все больше и больше убеждаюсь в правоте святого Павла, назвавшего Землю “юдолюю плача”... Трагедию можно обменять только на трагедию». Во-вторых, инициатива создания на пространстве исламского мира халифата – единого государства, способного, по мнению его идеологов, обуздать хаос в Ближневосточном регионе, – не принадлежит ИГИЛ. Более того, именно хаос в регионе стал ключевым

* Организация признана террористической Верховным судом РФ, ее деятельность запрещена на территории России. – *Прим. ред.*

условием возникновения этой чудовищной «химеры» (или антисистемы, схожей по базовым характеристикам с нацистским Третьим рейхом). Вот почему мы считаем, что возрождение имперского духа солидарности – это реальный шанс спасения (по крайней мере, европейской цивилизации) от реставрации нацистской чумы.

Утверждение имперской парадигмы – важное условие возвращения России статуса полноценного субъекта международных отношений: у нас сегодня мало сил, чтобы вступать в геополитическую борьбу за лидерство с западным миром – по критерию силы надежду на успех могут иметь только равновеликие, а мы за последние десятилетия безнадежно отстали. Поэтому нам надо перейти в ту плоскость, где мы вне конкуренции: в плоскость духовной борьбы – за судьбы неприкаянных и безнадежных с точки зрения европейского снобизма, за судьбы тех, кто олицетворяет человеческую надежду на справедливое и счастливое будущее. Это позволит «снять» с образа России символику врага исламского мира, утвердить мессианскую идею России как всемирного лидера «народов-изгоев», которых глобалисты загнали в «социальные резервации». Для таких народов и культур Россия была когда-то (и сегодня может стать) империей, открытой сердцем для «нищих духом», стать «обетованной землей» гонимых и уничтожаемых, «образом надежды» на торжество справедливости, сверхдержавой «людей неуспеха», уберегающей мир от либерального геноцида «золотого миллиарда».

– Как согласуется призыв к отказу от мультикультурализма, толерантности и политкорректности с призывом к развитию наднациональных государств?

– Согласуется опосредованно. Мы пытались показать, что ультралиберальный проект разрушает ценностно-нормативные матрицы национальных государств, в том числе – путем активного воплощения в жизнь принципов политкорректности, мультикультурализма и толерантности. Сегодня мы видим, что демонтаж ключевых атрибутов классического мироустройства и традиционных структур социальности национальных государств Европы способствует возрождению нацистских идеологий и практик. Вместе с тем на расчищенном культурном пространстве национальных государств могут возникнуть полиэтнические империи с характерным для них мировоззренческим универсализмом и вселенским мессианизмом.

– В чем принципиальное отличие вашей позиции от ультраправых политических движений на Западе?

– Если воспринимать ваш вопрос как риторический прием, то и ответ будет соответствующим: отличие нашей позиции во всем. Ультраправая идеология – это расизм, фашизм, нацизм, ксенофобия. Поэтому ключевая опасность цивилизации – возрождение идеологий, в основу которых будет положен принцип сегрегации – разделения людей на «высших» и «низших», идея врожденной и объективной реальности превосходства одних индивидов и групп и неполноценности других.

– Спасибо! Несомненно, после этих обстоятельных ответов читателям ИПСИ будет легче разобраться в хитросплетениях авторской логики. Если у кого-то возникнут дополнительные вопросы или комментарии, то обсуждение статьи может быть продолжено...